

«Об истории внутрипартийной борьбы». Интервью с
Дмитрием Апальковым

≈ 15 мин

Мы продолжаем брать интервью у учёных, работа которых полезна для изучения исторического опыта коммунистического движения и развития марксизма на современном этапе. Очередной наш собеседник — кандидат исторических наук Дмитрий Игоревич Апальков, чью работу, посвящённую борьбе внутри большевистской партии в 1920-е гг., мы некоторое время назад размещали в [паблице](#). Интервью посвящено некоторым интересным вопросам истории раннего СССР, а также изучению этого периода современной исторической наукой. Дмитрий Игоревич не является нашим сторонником в плане политических взглядов, однако его мнение как специалиста несомненно заслуживает внимания.

ЛС: Здравствуйте. Как бы вы охарактеризовали состояние российской исторической науки на сегодняшний момент, и можно ли говорить об упадке?

Д. А.: Трудно оценивать общее состояние исторической науки. Как минимум, для этого необходимо обладать определёнными наукометрическими данными, которые можно сравнивать и сопоставлять за определённый период. Но очевидно, что есть некоторые проблемы, которые препятствуют развитию исторической науки. Прежде всего, это проблема недофинансированности. Она касается российской науки в целом и исторической науки в частности. Поэтому многие талантливые исследователи, толковые аспиранты вынуждены уходить

из науки или заниматься подработками, отвлекаясь от своей основной деятельности.

Применительно к моей специальности есть ещё проблема, связанная с архивами.

УВЫ, ЕЩЁ МНОГО ИНТЕРЕСНЫХ ДОКУМЕНТОВ НАХОДИТСЯ ПОД ГРИФОМ «СЕКРЕТНО». НАПРИМЕР, ПРЕЗИДЕНТСКИЙ АРХИВ, КОТОРЫЙ ДО СИХ ПОР ЗАКРЫТ, ХРАНИТ МНОЖЕСТВО ИНТЕРЕСНЫХ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ. ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПАПКИ ПОЛИТБЮРО.

И вот если бы в России произошла новая «архивная революция», то это, конечно, подстегнуло бы исследования в области истории советского периода.

ЛС: В своей диссертации вы упоминаете, что вами были использованы архивные документы, которые прежде не были введены в научный оборот. Какие, к примеру, это документы?

Д. А.: Например, это стенограмма объединённых заседаний Политбюро и Президиума Центральной контрольной комиссии, состоявшихся 30 января и 9

февраля 1929 года. О них давно было известно, но в распоряжении исследователей были только фрагменты этих стенограмм. Мне в результате архивных изысканий удалось обнаружить эти стенограммы в полном виде.

ВАЖНО, ЧТО РЕЧЬ ИДЁТ О ЗАСЕДАНИЯХ, КОТОРЫЕ БЫЛИ ОДНОЙ ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ВЕХ В ИСТОРИИ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ, ПОСКОЛЬКУ ИМЕННО НА ЭТИХ ЗАСЕДАНИЯХ ПОТЕРПЕЛА РЕШАЮЩЕЕ ПОРАЖЕНИЕ ГРУППА «ПРАВЫХ» ЧЛЕНОВ ПОЛИТБЮРО (БУХАРИН, РЫКОВ И ТОМСКИЙ — ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ «ПРАВЫЙ УКЛОН»).

И после этого путь к сталинской диктатуре уже окончательно был открыт.

LC: Как вы считаете, какая роль у историков в современной идеологической борьбе? Возможен ли в полной мере неидеологизированный подход к истории в принципе?

Д. А.: К этому нужно стремиться, поскольку историк должен быть свободен от политической конъюнктуры, он должен хорошо делать своё дело независимо от той политической и идеологической борьбы, которая в данный момент происходит в обществе.

«Об истории внутрипартийной борьбы». Интервью с
Дмитрием Апальковым

Поэтому, на мой взгляд, идеологическая борьба и историческая наука — это две параллельные плоскости, которые, по идее, не должны пересекаться. Вклад историка в общественное благо должен заключаться в том, чтобы хорошо делать свою работу, заниматься исследованиями, обучать студентов, проделывать научно-популярную, просветительскую работу; это, в свою очередь, будет важным вкладом в формирование гражданского общества. Чем лучше люди знают историю, тем лучше они разбираются в социальных, политических и экономических процессах в принципе.

ЛС: А не думаете ли вы, что одно в любом случае влияет на другое? Потому что как политика невозможна без исторического осмысления действительности, так и история в полной мере невозможна без политики.

Д. А.: История как наука должна быть вне текущей политической ситуации. Историческая наука, как и любая другая гуманитарная отрасль знаний, сама по себе и без политики довольно субъективна. Другое дело, что у историка, как у любого человека, помимо научных принципов могут быть и гражданская позиция, и определённые политические симпатии, но они не должны перекрывать исследования. Поэтому нужно пытаться выстраивать какой-то фильтр, который не даст превратиться в такого сверхсубъективного, политизированного историка.

ЛС: Как вы считаете, почему довоенная история СССР приковывает к себе больше внимания, чем послевоенная? Хотя хрущёвский и брежневский периоды значительно менее исследованы. Как думаете, почему так и что должно произойти, чтобы сменились некие приоритеты и направления в исторической

«Об истории внутрипартийной борьбы». Интервью с
Дмитрием Апальковым

науке?

Д. А.: На мой взгляд, эта ситуация возникла, потому что сталинский период имел для нашей истории настолько важные последствия, что в тени его осталась последующая история. К тому же, когда в 1990-е годы началась «архивная революция», она коснулась прежде всего документов по сталинской эпохе. Однако мне кажется, что в данный момент уже наметился некий сдвиг в сторону изучения послесталинской истории Советского Союза. Это связано, с одной стороны, с тем, что произошло некое пресыщение историей сталинизма, а с другой стороны, постепенно (хотя и очень медленно) открываются новые архивные документы по хрущёвскому и брежневскому периодам. Они публикуются, вводятся в научный оборот. Поэтому я ожидаю, что в ближайшие годы всё больше и больше исследователей будет обращать внимание на эти периоды.

ЛС: Как вы думаете, возрастает ли интерес историков к внутрипартийной борьбе 1920-х годов?

Д. А.: Я думаю, что нет. Понимаете, в конце 1980-х — 1990-е годы по этой теме было написано такое множество самых разнообразных книг и статей, что эта тема уже к началу XXI века довольно сильно надоела всем. Многим кажется, что в этой теме уже невозможно найти ничего нового. Честно говоря, мне и самому, несмотря на интерес к этой теме, какое-то время тоже так казалось, но, к счастью, меня выручили новые архивные документы. Так что я бы не сказал, что в настоящее время происходит какой-то всплеск интереса к истории внутрипартийной борьбы. По большому счёту, исследователей, которые

«Об истории внутрипартийной борьбы». Интервью с
Дмитрием Апальковым

серьёзно, профессионально занимаются этой проблематикой, можно пересчитать по пальцам.

ЛС: По вашему мнению, какие можно выделить современные исторические работы по данной теме?

Д. А.: Из последних работ я бы выделил монографию Александра Резника «Троцкий и товарищи». Ещё я бы выделил один из томов биографии Троцкого, написанной Фельштинским и Чернявским¹.

ЛС: А что бы вы посоветовали почитать по политической биографии Сталина?

Д. А.: Конечно, я рекомендую известную книгу моего наставника Олега Витальевича Хлевнюка, увидевшую свет несколько лет назад. Она называется «Сталин. Жизнь одного вождя». На мой взгляд, и не только мой, эта работа поставила точку в многолетних ожиданиях научной, академической биографии Сталина.

ЛС: Как вы относитесь к версии, что «Письмо к съезду» и ряд других последних текстов Ленина являются фальшивкой и сфабрикованы противниками Сталина?

Д. А.: Я считаю эту версию несостоятельной.

**НА МОЙ ВЗГЛЯД, ЭТА ТЕОРИЯ, ВЫДВИНУТАЯ
ВАЛЕНТИНОМ САХАРОВЫМ, НЕ
ВЫДЕРЖИВАЕТ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ КРИТИКИ.**

Хотя бы просто потому, что Сталин, будучи генсеком, обладал самым полным доступом к наиболее важной информации. Не случайно, когда Ленин заболел, именно Сталину ЦК поручил надзор за тем, чтобы Ленина никто не беспокоил, поэтому в тот период перед Сталиным отчитывались личные секретари Ленина и его охрана. Собственно говоря, трудно поверить в то, что современный исследователь мог допытаться до чего-то такого, чего не знал Сталин по вопросу о сохранении его собственной власти. Иными словами, то, что сам Сталин никогда не подвергал сомнению подлинность «политического завещания» Ленина — это и есть главный аргумент, опровергающий теорию Сахарова. Не говоря уже о её слабой доказательной базе, притянутой за уши.

ЛС: По вашему мнению, могла ли система коллективного руководства, которая сложилась в первые годы существования СССР, сохраняться дальше и помешать становлению единоличной власти Сталина?

Д. А.: На мой взгляд, такая возможность была, но, учитывая субъективный фактор, шансов на её реализацию было немного. Под субъективным фактором я имею в виду, с одной стороны, стремление Сталина к единоличной власти, его умение интриговать и манипулировать, а с другой стороны, — ошибки его оппонентов, которые на разных этапах внутрипартийной борьбы позволяли Сталину заручиться большинством в ЦК, что, в свою очередь, предопределило конечный результат.

Я считаю, что в условиях однопартийной советской власти коллективное руководство могло быть наиболее оптимальным вариантом развития. Это система, которая за счёт некоторой политической конкуренции, пусть и на

«Об истории внутрипартийной борьбы». Интервью с
Дмитрием Апальковым

самом верхушечном уровне, могла быть более гибкой, чем сталинская система. В конечном счёте, коллективное руководство, такое олигархическое устройство власти, на мой взгляд, могло бы осуществить ту же коллективизацию, индустриализацию пусть и не безболезненно, но избегая некоторых эксцессов и перегибов, которые были свойственны сталинской диктатуре.

ЛС: В своей диссертации вы обращаете внимание на попытку создания весной 1926 г. блока Троцкого и Сталина против Каменева и Зиновьева. Возможен ли был такой блок, как вы считаете?

Д. А.: В политике нет ничего невозможного. Во всяком случае, такой блок обсуждался, значит, он был возможен. И это документально зафиксировано — в переписке Сталина и Бухарина, письме Троцкого Бухарину. Понимаете, в тот момент Троцкий оказался перед выбором: примкнуть ли ему к большинству в партийном руководстве и быть на подпевках у Сталина или гордо возглавить оппозицию. Троцкий поразмыслил и выбрал второй вариант.

ЛС: Какова была социальная база у левой оппозиции, «троцкистско-зиновьевского» блока, и правой оппозиции, блока Бухарина?

Д. А.: На мой взгляд, у них почти не было социальной базы и не могло её быть. Я считаю, что внутрипартийная демократия в условиях однопартийной диктатуры невозможна в принципе. В этом и есть причина поражения оппозиционных групп 1920-х гг. Оппозиционеры вынуждены были соблюдать партийные правила, которые их ограничивали и не позволяли им выйти за рамки партийной дисциплины. Апеллирование к массам беспартийных рабочих и крестьян сразу бы привело к аресту лидеров оппозиции.

ЛС: Что вы думаете по поводу современных исторических трудов, в которых отрицается факт массовых репрессий в СССР в 1937–1938 гг., а документы по ним объявляются якобы массово фальсифицированными?

Д. А.: Мне неизвестны современные исследователи, которые так считают. Однако по этому вопросу есть ещё другая конспирологическая версия. Я говорю о теории, возникшей в 1980-е годы на волне ревизионизма как такая самая радикальная его форма. Согласно этой теории, сталинская диктатура была на самом деле слабой, власть — децентрализованной, а репрессии, дескать, были делом рук чекистов и местных партийных начальников, якобы боявшихся за свою власть. Однако в 1990-е годы, когда у исследователей появился доступ к архивным документам, было доказано, что Большой террор, как и сталинский террор в целом, был процессом централизованным, который инициировал и которым дирижировал лично Сталин для укрепления своей диктатуры накануне войны. И, в общем, с тех пор ни один серьёзный исследователь не ссылается на эту теорию.

ЛС: А как вы относитесь к обратной тенденции к чрезмерному преувеличению количества репрессированных, в частности, к той полемике, которая была между историком Земсковым и Антоновым-Овсеенко?

Д. А.: Это дискуссия начала 1990-х гг., которая уже давно потеряла свою актуальность.

**КОНЕЧНО, ЗЕМСКОВ, КОТОРЫЙ ОПИРАЛСЯ
НА АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, БЫЛ ГОРАЗДО**

БЛИЖЕ К ИСТИНЕ, ЧЕМ ЕГО ОППОНЕНТЫ, ЗАЯВЛЯВШИЕ О ДЕСЯТКАХ МИЛЛИОНОВ РЕПРЕССИРОВАННЫХ. ВПРОЧЕМ, МЕТОДОЛОГИЯ РАБОТ ЗЕМСКОВА НЕ ЛИШЕНА НЕДОСТАТКОВ.

Он игнорирует наличие факторов, которые могли исказить статистические данные. Например, на основе региональных архивов уже доказано, что реальная картина сталинских лагерей порой существенно отличалась от тех рапортов, которые лагерные начальники посылали в центр.

ЛС: Правы ли те люди, которые говорят, что многие документы 1930-х годов ещё засекречены и подлинная картина сталинских репрессий ещё не ясна?

Д. А.: На мой взгляд, основные документы по истории сталинских репрессий уже известны. Конечно, возможны отдельные интересные находки, которые, однако, не приведут к кардинальному пересмотру сложившейся картины.

ЛС: Что можно почитать по московским процессам 1936–38 годов, в частности, по механизму их организации?

Д. А.: Я бы посоветовал книгу Хаустова и Самуэльсона², а также работы Хлевнюка и Артамоновой³.

ЛС: Вы упомянули, что в случае сохранения коллективного руководства развитие

могло пойти по другому пути. А в случае победы кого-либо из оппозиции возможен ли был другой путь, или это было обусловлено объективными процессами?

Д. А.: Из ответа на один из предыдущих вопросов вытекает, собственно, моя позиция.

**Я СЧИТАЮ, ЧТО АЛЬТЕРНАТИВОЙ
СТАЛИНИЗМУ МОГЛА БЫТЬ НЕ ПОБЕДА
КОГО-ТО ОТДЕЛЬНОГО ИЗ ЧИСЛА ЧЛЕНОВ
ПОЛИТБЮРО, А КОЛЛЕКТИВНОЕ
РУКОВОДСТВО, ТО ЕСТЬ СОХРАНЕНИЕ В
ПОЛИТБЮРО НЕКОЕГО БАЛАНСА СИЛ.**

При таком раскладе Сталин, возможно, стал бы первым среди равных, но при сохранении в Политбюро и ЦК таких видных большевиков, наследников Ленина, как Троцкий, Бухарин, Рыков и так далее, создавалась бы такая конфигурация власти, которая была более предпочтительным вариантом. Как я уже говорил, на мой взгляд, такая возможность была, но решающую роль сыграл субъективный фактор.

LC: Спасибо.

«Об истории внутрипартийной борьбы». Интервью с
Дмитрием Апальковым

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Фельштинский Ю., Чернявский Г. «Лев Троцкий». ↩
2. Хаустов. В., Самуэльсон Л. «Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг.» ↩
3. Артамонова Ж. «Московский открытый процесс 1936 г.: механизм организации и политико-идеологическое обеспечение». ↩